

DOI: 10.15643/libartrus-2017.2.3

«Волшебный фонарь» как опыт издания журнала нового типа в российской журналистике

© А. А. Камалова

Варминско-Мазурский университет в Ольштыне
Polska, 10–725 Olsztyn, ul. Kurta Obitzta 1.

Email: alla.kamalova@uwm.edu.pl

Статья посвящена русскому периодическому изданию 1817 года – журналу «Волшебный фонарь». Журнал издавался в Санкт-Петербурге небольшим тиражом (было выпущено в свет всего 12 номеров) и является библиографической редкостью. Журнал выполнял функцию познавательную, развлекательную, а также служил своеобразным разговорником и путеводителем для приезжих иностранцев. Тексты журнала представляют типовые бытовые ситуации, характерные для российской столицы начала XIX века. Это ценный источник информации о бытовой жизни Санкт-Петербурга времен А. С. Пушкина, о нравах и обычаях, работе простого народа. «Волшебный фонарь» является также памятником полиграфической культуры: это один из первых иллюстрированных журналов в России. «Волшебный фонарь» может быть квалифицирован как социокультурный феномен, являющийся ценным источником для понимания и изучения истории, бытовой и речевой культуры России.

Ключевые слова: *российская журналистика, Волшебный фонарь, Санкт-Петербург начала XIX в., простой народ, история, бытовая и речевая культура.*

В январе этого года исполнилось 200 лет со времени выхода в свет первого номера журнала «Волшебный фонарь» (журнал известен именно в таком, сокращенном названии). Необходимо, однако, внести уточнение: название «Волшебный фонарь» принадлежало двум российским журналам: один издавался в 1817 году в Санкт-Петербурге и просуществовал год (12 номеров), другой – с июля 1878 года также в Санкт-Петербурге (представлен всего двумя номерами). Статья посвящается журналу 1817 года [1]. Журнал печатался в знаменитой типографии Василия Плавильщикова, библиографа, издателя, типографа и книготорговца, представителя московской фамилии купцов и промышленников, оставившего «неизгладимый след в истории издательского дела, журналистики, эстетической мысли, в театре» [2, с. 6; 3]. Источник материала исследования данной статьи – факсимильное издание «Волшебного фонаря», предпринятое в 1988 году Московским издательством «Книга».

Обратимся к названию журнала. Первоначально словосочетание *волшебный фонарь* функционировало в качестве названия аппарата для проекции изображений; аппарат имел и другие именованья: *магический фонарь*, *фантаскоп* и даже *туманные картины*. Волшебный фонарь был распространен в XVII – начале XX века, особой популярностью пользовался в XIX веке; создание и использование проекционного аппарата – своеобразный этап в истории развития кинематографа.

Название первого номера журнала было следующим: «ВОЛШЕБНОЙ ФОНАРЬ, или ЗРЪЛИЩЕ С. Петербургскихъ расхожихъ продавцевъ, мастеровъ и другихъ простонародныхъ промышленниковъ, изображенныхъ вЪрною кистию въ настоящемъ ихъ нарядѣ, и представленныхъ разговаривающими другъ съ другомъ, соотвѣтственно каждому лицу и званию». Последующие выпуски содержали краткое название: «ВОЛШЕБНОЙ ФОНАРЬ, или ЗРЪЛИЩЕ».

В названии первого номера журнала, а также в Предисловии к нему подчеркивается главная задача журнала: ограничиться описанием простого русского народа. Однако описание имеет также локальные рамки: простой русский народ представлен на улицах и площадях Санкт-Петербурга. Такой подход к изображению «простого русского народа» не случаен, он отражает социальные процессы России того времени.

В конце XVIII века в крупных городах развивается постоянная торговля, что существенно меняет ранее существующее положение дел, поскольку основой внутренней торговли в России до этого времени были ярмарки. Постоянная торговля – магазинная и вразнос – вытесняла ярмарки. И если раньше торговлей вразнос занимались коробейники и офени, скупавшие на ярмарках, как правило, галантерейный товар и разносившие его по дальним деревням [4, с. 308], то в начале XIX века в городах, прежде всего в Санкт-Петербурге, торговлей вразнос занимались также лица крестьянского происхождения. Указ 1803 года «О вольных хлебопашцах» позволял помещикам отпускать крестьян на волю с наделением их землей, что способствовало социальному расслоению крестьянства, появлению предпринимательства. Одни крестьянские дворы богатели и укрупнялись, другие разорялись, а члены этих семей подавались на заработки в города, шли в услужение в состоятельные дома, помощниками в мастерские или становились разносчиками разнообразного товара, пополняя низшее городское сословие тогдашней России – мещанство. К 1811 году 35% городского населения России принадлежало к мещанам, записаться в мещане мог любой, имеющий в городе недвижимую собственность и/или занимающийся торговлей или ремеслом и исполняющий общественные службы [5, с. 679].

Что же представляет собой журнал «Волшебный фонарь»? Это ежемесячное издание, содержащее диалоги и монологи – моментальные снимки городской жизни. Особенность журнала заключается в том, что он издавался на 3-х языках: русские тексты объемом в одну-полторы страницы и их переводы на французский и немецкий языки. Каждый выпуск журнала – это 12–16 листов, сшитых тетрадь. Тексты проиллюстрированы: всего представлено 40 гравюр, выполненных офортом на меди и изображающих «фигуры разныхъ лицъ, занимающихся въ городѣ разными промыслами, представленныя въ настоящемъ ихъ нарядѣ» [1, с. 3]. Журнал открывается литографией, что было совершенно новым в тиражной графике. Первой литографированной картиной, напечатанной в России, признается изображение курда, едущего верхом... исполненное А. Орловским в 1816 г. ...Следующей по времени литографированной картиной является изображение народного гулянья в первом номере «Волшебного фонаря» 1817 г. [6, с. 97]. Журнал издавался в двух вариантах: с черно-белыми и цветными рисунками; цветные издания раскрашивались вручную, имели иную обложку и стоили дороже.

Таким образом, содержание журнала – текстовое и графическое – соответствовало функции волшебного фонаря, демонстрировавшего изображения жанрового содержания, сопровождаемые музыкой и/или чтением текста.

«Волшебный фонарь» как периодическое издание 1817 года не упоминается в учебниках по журналистике, не обнаружен он и в существующих списках журналов XIX века (см., например, Список российских газет, журналов, альманахов и сборников XIX–XX веков [7]). Это объясняется несколькими причинами. Журнал, существенно отличавшийся по задачам, содержанию и исполнению от других изданий, воспринимался как развлекательный на фоне «Русского вестника» С. Н. Глинки или «Сына отечества» Н. И. Греча. «Волшебный фонарь», подобно многим другим изданиям первой четверти XIX века (только за первое десятилетие возникло

60 журналов), был недолговечен: издавался небольшим тиражом, в свободную продажу не поступал, распространялся по подписке; его читали и рассматривали «до дыр». Сказанное объясняет, почему журнал стал «величайшей библиографической редкостью» и почему не регистрируется в списках периодической печати России.

Лишь в немногих исследованиях находим упоминания о журнале, и, как правило, в них говорится об иллюстрациях к текстам. Объемная статья «Рождение и жизнь „Волшебного фонаря“» писателя, исследователя русской культуры, библиофила Е. И. Осетрова, сопровождающая факсимильное издание журнала 1988 года, содержит исторические и социально-культурные факты времени создания словаря, обсуждает вопрос об авторстве текстов и иллюстраций, уделяя последним основное внимание. Действительно, иллюстрации журнала имеют важное значение для истории журналистики, в особенности для истории иллюстрированных журналов.

Эпоха иллюстрированных журналов и книг берет свое начало в 30-е годы XIX века. Первым иллюстрированным общедоступным журналом называется Penny Magazine, изданный в Лондоне в 1832 году; в России же первым иллюстрированным журналом, в современном понимании этого слова, считается «Живописное обозрение», издававшееся в Москве с 1835 по 1844 гг.

Как пишет Д. М. Городецкий, история иллюстрированных журналов в России имеет своих предшественников. «Первой попыткой художественного периодического издания в России, собственно говоря, признается „Открываемая Россия или собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся“. Этот сборник выходил в 1774–1776 г. тетрадями из пяти листов одних только рисунков, изображавших народы, входящие в состав России». Второе иллюстрированное периодическое издание – это «Пантеон российских авторов» (Москва, 1801), содержащий портреты писателей (всего выпусков было 4, а портретов 20). Третье иллюстрированное издание – «Волшебный фонарь» 1817 года [8].

Первый номер «Волшебного фонаря» открывается рисунком и текстом под названием «Разнощица календарей и журналовъ». Название, как представляется, знаменательное, поскольку подчеркивает актуальный для культуры России факт, касающийся истории календарей. Текст содержит диалог продавщицы календарей с барином, заинтересовавшимся календарем на новый, 1817 год. И не случайно, думается, автор текста приводит следующую реплику покупателя: «Ба, да это што! Ужъ не изъ Брюсова ли календаря выхвачено?» [1, с. 7]. В словосочетании *брюсов календарь* притяжательное прилагательное *брюсов* восходит к фамилии *Брюс*. Яков Брюс – сподвижник Петра I, артиллерист, математик и астроном, по его инициативе в начале XVIII века появляются в России первые печатные календари. Однако установить, о каком именно календаре говорится в тексте, невозможно по следующим обстоятельствам. «Под надзрением» Брюса вышли два первых календаря (первый 8 января 1709 г. с названием «Календарь повсеместный или Месяцеслов христианский»), эти календари в народе были известны как «брюсовы»; выпущенный же через 12 лет после смерти Брюса, в 1747 году, четвертый календарь назывался «Книга, именуемая Брюсовской календарь», а фамилия Брюса впервые появилась на обложке календаря [9]. Знаменательна также реплика продавщицы: «Про этаго Брюса говорятъ: великій-де чернокнижникъ и угадчикъ», в которой отражены ходившие слухи о необычных занятиях и способностях Брюса (научные опыты, астрономические наблюдения, полезные советы в разных областях знаний и деятельности, астрологические прогнозы, предсказания и пророчества), которые и сегодня будоражат воображение [10–11].

«Волшебный фонарь» выполнял функцию познавательную и развлекательную, а также помогал иностранцам в овладении русской разговорной речью. В настоящее время журнал является ценным источником информации о жизни простого люда, их нравах, обычаях, о способах зарабатывания на хлеб насущный – о бытовой жизни Санкт-Петербурга времен А. С. Пушкина. Именно в 1817 году, после окончания лицея, Пушкин переезжает в Санкт-Петербург, на Фонтанку, где у Калинина моста находилась квартира его родителей. Диалоги и монологи содержат не только информацию о бытовых реалиях, но также оценки, рассуждения и размышления по различным поводам, что позволяет составить представление о быте, моде, нравах лиц мещанского сословия, проживающего в Санкт-Петербурге первой четверти XIX века.

Тексты дают возможность составить реестр профессий и рабочей специализации: *молошница, прачка, конфетчик, парикмахер, гребенщик, фонарщик, кухарка, кучер, блинник, мясник, извозчик, сбитеньщик, квасник, лакей, матрос, рыбак, почтальон, городской стражник, дворник, трубочист* и т.д.; разносчиков различных товаров: *разнощица календарей, продавец цветов, продавец бюстов, разносчик дичи, продавец разной посуды* и т.д., названий лиц по социальному статусу: *господин, купец, барыня, госпожа, крестьянин и крестьянка*.

Из текстов узнаем, что апельсины продавались чищеными, груши и чернослив – вареными, блины пеклись и продавались с различной начинкой (*с луком, со сметочками, масляные*), простой люд любил *сайки и сгибни* (мучные изделия), для господ покупались французские *хлебцы и сухарики*, лакомством были *сахарны канфеты, кавришки голландские, жемочки медовые, патрончики, леденчики*; продавалось большое разнообразие пирогов и пирожков (*с сазаниной, с сиговиной, с горошком, с лучком* и т.д.). «Волшебный фонарь» позволяет составить представление о том, что читали, как причесывались, что ели и пили в северной столице России в начале XIX века. В столицу наезжали по различным делам иностранцы, некоторые имели свои дома и постоянное дело, их портреты также отражены в «Волшебном фонаре».

Материалы журнала не только дают представление о внутренней торговле России, но и повествуют о том, какие продукты и товары завозились в страну, как продавались. Так, из диалога модной торговки и бухарца (выходца из Средней Азии, Бухары) узнаем, что у заезжих иностранцев товар зачастую скупался не крупным оптом для дальнейшей розничной торговли. Лица, имеющие доход с подобных торговых сделок, позднее назывались *спекулянты, фальцовщики, челноки*.

Приведем пример торговли «заморским товаром»: «Бухарец: Мадам! Не угодно ли платковъ, шалей, полушалей, ситцовъ, полуситцовъ, Круазе, Пике; чаю Жулану, цвѣточнаго сквозняку, ординарного, Ханского, полу-Ханского; чего угодно?» И если по поводу существующих в те времена тканей можно сегодня найти информацию, то с сортами чая все намного сложнее. Согласно различным источникам употребление чая на Руси началось в начале XVII века, первоначально в лечебных целях, а затем он постепенно стал любимым напитком: его пили по разным поводам в различное время суток. Чай и чайная традиция на Руси имеют свою историю. Первоначально чай поставлялся из различных провинций Китая, очень быстро появились фальсификаторы и суррогаты, а посему проследить историю распространения сортов чая достаточно сложно. Можно лишь утверждать, что во время существования журнала Россия свой чай не производила, первые опыты по выращиванию чайного куста начались на территории Грузии в 1833 году [12, с. 12]. По поводу чая *Жулан* находим следующую информацию: «Жулан. Старое русское название высшего сорта зеленого чая, с крупными ароматными чайнками» [13, с. 1230]. И здесь следует внести поправку относительно «старого русского названия», так как название

этого чая не исконно русское. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» слово *жулан* применительно к чаю (см. птица *жулан обыкновенный*) заимствовано из калмыцкого *džulān*, что значило 'чай в листьях' (не пресованный в кирпичках) [14, с. 65].

Тексты журнала представляют типовые бытовые ситуации, характерные для российской столицы начала XIX века, однако в каждом конкретном случае представлена субъективная модальность, детерминируемая многими факторами: социальной ролью участников коммуникации, психологическим типом речевой личности, его коммуникативной компетентностью, условиями коммуникации и дотекстовыми целями. Так, например, в статье «Купецъ, покупающій орѣхи» [1, с. 57] демонстрируются высокие коммуникативные способности продавца; поэтапно реализуется целеустановка: 1 – представляется товар («Орѣхи калены, каленые орѣшки»); 2 – устанавливается коммуникативный контакт («Господинъ Купецъ, не прикажетъ отвѣсить?»), 3 – на базе оценочной стратегии рекламируется товар и аргументируется предложение его купить («Самые свежие, рассыпные; ну да что говорить, золото орѣхи, сущий миндаль!»), и, наконец, 4 – включается элемент игры, когда продавец в противовес аргументации купить товар переключает внимание на покупателя, его оценку, используя прием, который можно квалифицировать как «усыпление бдительности» («Во что прикажете высыпать? – Сыпь в платокъ. – Ай да платочикъ! Самой барской; расписной, съ цвѣтами, съ мушичками. И не весь съ чемъ. Видно въ Нижнем-то купечество молодецкое!»).

Среди воспоминаний о журнале встречаются высказывания, в которых отмечается достаточно правдивое воспроизведение речевой стихии улицы, характерной для Санкт-Петербурга означенного периода. Однако это не запись звучащей речи, а стилистический прием, свидетельствующий о наблюдательности автора/авторов и их интересе к живой речи. (О речи улицы в «Волшебном фонаре» см.: [15]).

Сам факт обращения к живой речи города является уникальным, учитывая, что попытка изучения языка Санкт-Петербурга (Петрограда) будет сделана через 100 лет, но по разным причинам эта работа была прервана [15, с. 3]. Начало XIX в. – это особая страница в истории русского литературного языка. Население Санкт-Петербурга начала XIX в. еще не имело единого языка, оно говорило на разных диалектах – социальных и территориальных. Диалектные особенности речи персонажей могут быть материалом самостоятельного исследования, здесь же приведем только некоторые примеры: употребление постпозитивных частиц – (Мясникъ) Проваль-те возьми!, Видно въ послѣдніе-то годы всѣ больными сдѣлались! [1, с. 53]; стяженные формы прилагательных – по бѣлу свѣту, плотва рыба жива [1, с. 88], стяженные личные формы глагола – Каково поживашь?, А вотъ лѣтомъ бывать большой расходъ на квасы [1, с. 67].

В текстах выявляются просторечные варианты произношения слов-заимствований: *фатера* (квартира), *кофей*, *кофий*, *кофеев* (о кофе), *магазеи* и *гамазеи* (о магазине). Для живой народной речи характерны фразеологизмы поговорки, присловья, присказки; они рассыпаны по диалогам и монологам журнала в большом количестве. Однако известно, что использование устойчивых выражений может быть характерной особенностью языковой личности. Пример такой личности представлен в «Волшебном фонаре»: (Пирожникъ) Ктобъ купиль, а мы бы продали!, не прозябнешь, не процвѣтешь; чѣмъ злѣу зама, тѣмъ милѣе лѣто; ни рожи, ни видѣнья; я не обѣвокъ въ полѣ; ни себѣ грѣха, ни ближнему притиснѣния [1, с. 163]. Размышляя об истории городской речи Петербурга, В. В. Колесов пишет: «Разные события, которые то ускоряли, то замедляли развитие языка, происходили в салонах, мастерских, редакциях и просто на улицах этого города» [16, с. 9].

Поскольку тексты имитируют уличные диалоги, постольку содержат вокативы, отражающие народные традиции обращения к лицу при коммуникативном акте, а также социальные и исторические нормы обращения к лицам разных сословий. Так, при обращении подчеркивается социальный статус коммуниканта, принадлежащего к иному социальному сословию: *барин, барыня, господин барин, господин купец, ваша милость, мадам, мусье*; при равном социальном статусе обращение зависит от возраста, пола, знакомства собеседников, например: при обращении к мужчине – *брат, братец, дядюшка, батюшка, батька мой, старинушка, земляк, Андрюха, брат Николай, дядя Гордей, Трофимыч* и под., при обращении к женщине – *красавица, красное мое солнышко, ясный мой месяц, светик мой, сударка моя, голубушка, Христина, Аксинья Дмитриевна* и под.

Язык периодической печати России сформировался в 60-е годы XIX в. Но он не появился на пустом месте, этому предшествовали поиски, редакторские стратегии, и «Волшебный фонарь» внес свою лепту в формирование языка периодической печати, для которого характерны «промежуточность стиля, молниеносная смена понятий, сиюминутность выражений» [16, с. 10], что собственно и наблюдаем в монологах и диалогах журнала.

х х х

«Волшебный фонарь» отражает актуальные факты истории и социальной жизни России. Являясь источником самых разнообразных знаний, журнал позволяет составить представление о том, что читали, о чем говорили, как причесывались и одевались, что ели и пили в столице России в начале XIX века.

Журнал фиксирует языковую ситуацию, характерную для столицы начала XIX в., что свидетельствует об особенностях формирования городской речи Санкт-Петербурга, а также о принципах становления языка периодической печати.

«Волшебный фонарь» может быть назван не только памятником истории и культуры России, но также памятником полиграфической культуры: он положил начало иллюстрированной книге, заложил основы художественно-публицистической периодики.

«Волшебный фонарь» может быть квалифицирован как социокультурный феномен, являющийся ценным источником для понимания и изучения истории, бытовой и речевой культуры России.

Литература

1. *Волшебный фонарь, или Зрелище с.-петербургских расхожих продавцов, мастеров и других протонародных промышленников, изображенных верною кистью в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. Факсимильное воспроизведение издания 1817 г.* М.: Книга, **1988**.
2. Осетров Е. Рождение и жизнь «Волшебного фонаря»: Приложение к факсимильному изданию // *Волшебный фонарь, или Зрелище с.-петербургских расхожих продавцов, мастеров и других протонародных промышленников, изображенных верною кистью в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. Факсимильное воспроизведение издания 1817 г.* М.: Книга, **1988**. С. 3–37.
3. *Советская историческая энциклопедия. В 16 томах.* М.: Советская энциклопедия. 1961–1976. Том 11. ПЕРГАМ – РЕНУВЕН. **1968**.
4. Коробейники // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* В 86 т. С.-Петербург, 1890–1907. Т. XVI, **1895**.
5. Мещане // Ю. С. Степанов. *Константы: Словарь русской культуры.* М.: Академический проект, **2004**. С. 679–683.

6. Голлербах Э. *История гравюры и литографии в России*. М.: Цетрполиграф, **2003**.
7. Список российских газет, журналов, альманахов и сборников XIX – начала XX века // Викитека, URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека: Список российских газет, журналов, альманахов и сборников XIX – начала XX века](https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Список_российских_газет,_журналов,_альманахов_и_сборников_XIX_–_начала_XX_века).
8. Городецкий Д. М. Первые иллюстрированные журналы в России. Материал из Niva. URL: [http://niva.ws/index.php?title=Первые иллюстрированные журналы въ России&oldid=1938](http://niva.ws/index.php?title=Первые_иллюстрированные_журналы_въ_России&oldid=1938).
9. Букер И. Мельница мифов: Яков Брюс вовсе не колдун // pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/science/useful/21-06-2013/1162220-bruce-0>.
10. Лажечников И. И. *Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания*. М.: Советская Россия, **1989**.
11. Мандалян Э. Яков Брюс. Колдун и генерал-фельдмаршал // *Интернет журнал ЧАЙКА*. №19(222). URL: <https://www.chayka.org/node/5015>.
12. Похлебкин В. В. *Чай*. М.: Центрополиграф, **2009**.
13. *Большая энциклопедия кулинарного искусства. Все рецепты В. В. Похлебкина*. М.: Центрополиграф, **2009**.
14. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. В четырех томах*. М.: Астрель, **2004**. Т. 2.
15. Камалова А. А. Целеустановки и оценки в речи улицы (на материале журнала «Волшебный фонарь») // *Категория модальности в речевой коммуникации*. Калининград: Балтийский государственный федеральный университет им. Иммануила Канта, **2016**. С. 129–133.
16. Колесов В. В. *Язык города*. М.: Высшая школа, **1991**.

Поступила в редакцию 25.02.2017 г.

После доработки – 05.04.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.2.3

Magic Lamp magazine as a sociocultural artifact. For the magazine jubilee

© A. A. Kamalova

University of Warmia and Mazury in Olsztyn
1 Kurt Obitz Street, 10-725 Olsztyn, Poland.

Email: alla.kamalova@uwm.edu.pl

The article devoted to *Magic Lamp* magazine, the Russian periodical of 1817. The magazine was published in Saint Petersburg in small printing; only 12 issues were published. It makes *Magic Lamp* magazine to be a bibliographical rarity. Objective function of *Magic Lamp* magazine was to amuse and enlighten people. In addition, it could be used as peculiar phrasebook and guidebook for foreigners visiting Saint Petersburg. The articles display typical everyday episodes taking place in the capital of Russia in the early 19th century. It is a valuable source of information about Saint Petersburg's everyday life and folkways of the time, when Pushkin was living there. *Magic Lamp* magazine is an artifact of polygraphic culture, because it is one of the first illustrated magazines in Russia. *Magic Lamp* magazine can be qualified as sociocultural phenomenon valuable for comprehension and study of Russian history, way of life, and linguistics.

Keywords: Russian journalism, Magic Lamp magazine, Saint Petersburg, early 19th century, populace, history, way of life, linguistics.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Kamalova A. A. Magic Lamp magazine as a sociocultural artifact. For the magazine jubilee // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 2. Pp. 136-144.

References

1. *Volshebnyi fonar', ili Zrelishche s.-peterburgskikh raskhozhikh prodavtsov, masterov i drugikh prostonarodnykh promyshlennikov, izobrazhennykh vernoyu kist'yu v nastoyashchem ikh naryade i predstavlenykh razgovarivayushchimi drug s drugom, sootvet-stvenno kazhdomu litsu i zvaniyu. Faksimil'noe vosproizvedenie izdaniya 1817 g.* [Magic lantern, or the images of different sellers, craftsmen, and other working commoners of St. Petersburg portrayed by true brush in their present attire and shown talking to each other accordingly to their ranks. Facsimile reproduction of the edition of 1817]. Moscow: Kniga, 1988.
2. Osetrov E. *Volshebnyi fonar', ili Zrelishche s.-peterburgskikh raskhozhikh prodavtsov, masterov i drugikh prostonarodnykh promyshlennikov, izobrazhennykh vernoyu kist'yu v nastoyashchem ikh naryade i predstavlenykh razgovarivayushchimi drug s drugom, sootvet-stvenno kazhdomu litsu i zvaniyu. Faksimil'noe vosproizvedenie izdaniya 1817 g.* Moscow: Kniga, 1988. Pp. 3-37.
3. *Sovet-skaya istoricheskaya entsiklopediya. V 16 tomakh [Soviet historical encyclopedia. In 16 volumes]*. Moscow: Sovet-skaya entsiklopediya. 1961-1976. Vol. 11. PERGAM – RENUVEN. 1968.
4. *Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona*. V 86 t. S.-Peterburg, 1890-1907. T. XVI, 1895.
5. Yu. S. Stepanov. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004. Pp. 679-683.
6. Gollerbakh E. *Istoriya gravyury i litografii v Rossii [The history of engraving and lithography in Russia]*. Moscow: Tsetrpoligraf, 2003.
7. Spisok rossiiskikh gazet, zhurnalov, al'manakhov i sbornikov XIX – nachala XX veka. Vikiteka, URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Vikiteka:Spisok_rossiiskikh_gazet,_zhurnalov,_al'manakhov_i_sbornikov_XIX_nachala_XX_veka.
8. Gorodetskii D. M. *Pervye illyustrirovannye zhurnaly v Rossii*. Material iz Niva. URL: http://niva.ws/index.php?title=Pervye_illyustrirovannye_zhurnaly_v_Rossii&oldid=1938.

9. Buker I. Mel'nitsa mifov: Yakov Bryus vovse ne koldun. pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/science/useful/21-06-2013/1162220-bruce-0>.
10. Lazhechnikov I. I. *Basurman. Koldun na Sukharevoi bashne. Ocherki-vospominaniya [The infidel. Wizard at the Sukharev tower. Essays-memories]*. Moscow: Sovet-skaya Rossiya, **1989**.
11. Mandalyan E. Yakov Bryus. Koldun i general-fel'dmarshal. *Internet zhurnal ChAIKA*. No. 19(222). URL: <https://www.chayka.org/node/5015>.
12. Pokhlebkin V. V. *Chai [Tea]*. Moscow: Tsentropoligraf, **2009**.
13. *Bol'shaya entsiklopediya kulinarnogo iskusstva. Vse retsepty V. V. Pokhlebkina [The great encyclopedia of culinary art. All recipes of V.V Pokhlebkin]*. Moscow: Tsentropoligraf, **2009**.
14. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V chetyrekh tomakh [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes]*. Moscow: Astrel', **2004**. Vol. 2.
15. Kamalova A. A. *Kategoriya modal'nosti v rechevoi kommunikatsii*. Kaliningrad: Baltiiskii gosudarstvennyi federal'nyi universitet im. Immanuila Kanta, **2016**. Pp. 129–133.
16. Kolesov V. V. *Yazyk goroda [Urban language]*. Moscow: Vysshaya shkola, **1991**.

Received 25.02.2017.

Revised 05.04.2017.